

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК МЕТАДИСЦИПЛИНАРНАЯ МАТРИЦА

ОКСАНА ГАМАН-ГОЛУТВИНА

Российская ассоциация политической науки (РАПН), Москва, Россия
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Политология, международные отношения, регионоведение оформились в российской системе высшей школы как самостоятельные и динамично развивающиеся учебно-научные направления. Тем не менее признание их значимости в России за пределами профессионального сообщества остается неполным. В связи с этим российские университеты оказываются перед задачей улучшения системы подготовки специалистов, способных решать широкий спектр актуальных вопросов в сфере внешней и внутренней политики. Ее выполнение связано с осознанием вызовов и изменений, которые происходят в мировом сообществе, а также преимуществ и недостатков существующей модели образования. Настоящая статья призвана зафиксировать основные условия развития преподавания по международно-политической тематике и возможные пути его совершенствования. Автор отмечает, что последние десятилетия отмечены тремя фундаментальными сдвигами на социальном, политическом и экономическом уровнях. Они включают становление «другой современности», которая становится следствием усиления свойства нелинейности в глобальной системе; трансформацию международного порядка и стремительное перемещение центра экономического производства в Азиатско-Тихоокеанский регион. Отечественная традиция общественно-политической и гуманитарной мысли предоставляет существенный потенциал для осмысления этих процессов. В то же время необходима адаптация профессионального сообщества к новым условиям и, в первую очередь, ликвидация сложившегося отрыва политологического образования от практики. Его устранение зависит от интеграции в образовательный процесс компетенций, направленных на преодоление онтологических, методологических, методических, ценностных вызовов, затрудняющих оценку комплексной стратегической ситуации. Проводимая в настоящее время в России реформа методической организации образовательного процесса предоставляет возможность решать эту задачу на системной основе в рамках специализированного института — федерального учебно-методического объединения вузов. В рамках общей концепции реформы обновленное ФУМО инкорпорирует три различных, но взаимосвязанных направления подготовки: политологию, международные отношения и регионоведение. Их объединение в единый комплекс не означает игнорирование существующих различий, но позволяет аккумулировать интеллектуальный и организационный ресурс как для решения общих задач, так и для преодоления и индивидуальных сложностей каждой из дисциплин.

Ключевые слова:

политологическое образование; регионоведение; высшая школа; традиции общественно-политической мысли; качественные и количественные методы; нелинейность; реформа образования; учебно-методическое объединение.

Среди целевой аудитории тезис о востребованности политической науки, изучения проблем глобального и регионального

развития равносителен нравоучениям о вреде алкоголя в обществе трезвости. Однако за пределами профессиональной аудито-

рии эта мысль не кажется безальтернативной. Казалось бы, в прошлом остались времена, когда политолога путали с политиком (хотя в плане широты компетенций такая близость была бы весьма полезной). Зато на смену трудностям роста пришли вызовы иного рода, и сегодня политологом не называет себя разве что выпускник кулинарного техникума.

И тем не менее представление о том, что политические науки, «международные отношения» (МО) и регионоведение — необходимый компонент образования, не стал аксиомой для многих иных аудиторий, в том числе тех, в которых принимаются политические решения. В связи с этим встает вопрос о том, какие факторы определяют востребованность МО, политологии и регионоведения в системе образования современной России. Его осмысление требует рефлексии современного состояния как глобальной среды, так и отечественного профессионального сообщества

1

Последняя четверть века вобрала в себя целый ряд трансформаций, наиболее значимыми в ряду которых стали *три типа сдвигов*. *Первый* — качественное усложнение природы и характера общественных изменений, а именно: переход к нестационарной системе социальных связей и преобладанию нелинейных процессов. Нелинейность в данном контексте понимается как свойство системы определяться разными законами в разное время при разных внешних воздействиях. Она предполагает ситуацию, в которой малое воздействие может оказывать большее влияние на эволюцию системы, чем воздействие более сильное, но неадекватное существующим тенденциям.

Нелинейность обуславливает сложное и разнообразное поведение участников социальных процессов, не укладывающееся в единую теоретическую схему. Динамика таких систем неоднозначна, поскольку внешние или внутренние воздействия могут вызвать отклонения от ее стационарного состояния в любом направлении. В социальных процессах наиболее заметно на-

рушается принцип пропорциональности результата усилиям и становится явной неприменимость механического масштабирования. В этих условиях становится совсем не очевидно, что модель политического процесса может рассматриваться как уменьшенная копия политической реальности. Сверх того, нелинейность сопряжена с растущими рисками — техногенными, политическими, гуманитарными [Полунин, Тимофеев 2009].

Социальные связи в условиях глобальной неопределенности и размывания границ между политико-экономическим истеблишментом и обществом характеризуются неустойчивостью. Прежние системные правила игры и базисные институты, а также формы и роли игроков меняются, новые правила пишутся на ходу, отменяются и создаются вновь. Взаимосвязанность и взаимозависимость оказываются в основе усложнения и плюрализации социальных отношений. Рост общественных ожиданий при снижении уровня их удовлетворенности, повышение зависимости внутренней политики от внешней среды, информатизация общества, его «сетевизация» иллюстрируют глобальную трансформацию в том понимании, как это представлено в работах Э. Гидденса и У. Бека — как «ускользающий мир», «общество риска», переход к «другому модерну» [Giddens 1991; Гидденс 2004; Баталов 2012; Смирнов 2012].

У. Бек понимает трансформацию как процесс, пределы которого трудно фиксировать, однако его масштаб столь значителен, что может быть интерпретирован как «изменение основ изменения» [Бек 2000: 16]. Все приходит в движение и меняется таким непостижимым всеохватным образом, что сам фундамент социального взаимодействия оказываются в состоянии трансформации. При этом неизбежным следствием и оборотной стороной усложнения социальных связей предстает растущая хрупкость современного мира [Тaleb 2014].

Возрастание сложности, объемности, многозначности социальных связей — знак времени, который требует соответствующей реконцептуализации и перенастройки

управленческих систем. Отмеченные особенности сложных социальных объектов определяют императивность разработки релевантных их сложности парадигм анализа, прогнозирования и управления. Последний тезис можно рассматривать в качестве принципиальной методологической установки современной политической науки. Однако рефлексия сложности часто существенно запаздывает по отношению к реальным процессам.

Второй тип сдвигов касается непосредственно сферы политики, международных отношений и регионоведения. Он характеризует тектонические изменения структуры глобального миропорядка на изломе 1980–1990-х годов и последовавший на исходе двух с половиной десятилетий существования сформировавшегося тогда миропорядка глубокий кризис его структуры, радикальное изменение номенклатуры субъектов глобальной политики и соотношений сил между ними, а также окончательное формирование феномена мировой политики как глобального контекста существования национальных государств, международных организаций, системы международных отношений в целом, над- и негосударственных структур.

Кроме того, очевидно новое, существенно более сложное, чем ранее, соотношение глобальных, национальных и региональных уровней политики и экспоненциальное усложнение механизмов их взаимопроникновения. Еще одной заметной чертой новой реальности становится отмеченное С. Хантингтоном возрастание самого количества власти. В современных обществах, в отличие от традиционных, власти становится больше, соответственно, большая часть общества оказывается вовлеченной во властные отношения.

Третий тип сдвигов характеризует существенные результаты перемещения центра экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион, что определяет потребность в интенсивном и основанном на современных подходах развитии преподавания и изучения востоковедения как *многосоставного комплексного направления на фундаменте*

культурной антропологии и социальной истории, включающего изучение истории, экономики, религиозно-философской мысли, языка и литературы стран Азии и Африки.

При том что турбулентная по характеру последняя четверть века очень по-разному, порой «железной пятой», прошла по личным судьбам не одного поколения, именно она предоставила редкий шанс протестировать целый ряд исторически складывавшихся гипотез относительно возможностей гармонизации мироустройства. В частности, это время вобрало в себя идеалистические упования на устранение насилия из сферы политики, надежды на изживание враждебности и конфликтности в международных отношениях, чаяния установления кантовского «вечного мира» в результате обретения статуса партнеров ранее непримиримых соперников, но также и крушение оказавшихся несбывшимися надежд.

Не оправдались и связанные с разработкой информационно-коммуникационных технологий завышенные ожидания обрести в них «золотой ключик», позволяющий разрешить сложные социальные проблемы. Во многом иллюзорными оказались надежды на международную кооперацию в урегулировании глобальных проблем. Тем не менее, несмотря на несостоятельность ряда ожиданий и возросшую конфликтность текущей ситуации, вряд ли правомерно априори пессимистически отвергать саму возможность преодоления тотальной конфликтности современного мира. Потенциал политической науки, теории МО и регионоведения в данном отношении вряд ли подлежит сомнению.

2

Существенным фактором успеха в современном развитии международно-политической науки может стать использование богатого эвристического потенциала отечественного социо-гуманитарного знания. Как показала реализация масштабного совместного проекта МГИМО и Российской ассоциации политической науки [Гаман-Голутвина 2015–2016], отечественная традиция общественно-политической мысли

располагает огромным эвристическим потенциалом, востребованным и сегодня.

К ее характерным чертам относятся приверженность скрупулезному изучению источников, скептическое отношение к скороспелым обобщениям и сопоставлениям, уважение к факту, а также стремление находить, изучать, описывать и определять эмпирику российских реалий. Как справедливо отмечает известный синолог и международник А.В. Лукин, полезна в данном контексте и оригинальная отечественная школа востоковедения. Она на протяжении двух веков составляла конкуренцию западным аналогам именно потому, что российские исследователи исходили не из абстрактно-теоретических представлений, а из конкретного материала, основывали оригинальные исследования на фундаментальном знании как восточных, так и западных реалий [Лукин А., Лукин П. 2015: 214].

Однако условия современного глобального и регионального развития таковы, что социальное знание оказывается перед серьёзнейшими вызовами [Гаман-Голутвина 2016]. Базовая проблема современного социогуманитарного знания в России состоит в унаследованной от прошлого недооценке роли экспертизы при принятии стратегических решений.

Характерно, что это не только российская проблема. Одной из причин частичной утраты лидерства США в мире в течение первого десятилетия XXI века в результате неудач в кампаниях в Ираке и Афганистане стали серьезные тактические и стратегические ошибки: недооценка специфики данного региона, его культурно-цивилизационных и политико-экономических особенностей; неверная оценка возможностей США на Ближнем Востоке [Уолфорт 2015].

Недооценка роли экспертизы в процессе принятия решений остается серьезной проблемой и для регионоведения, и для теории МО, и для политологии. В то же время ее появление — вина не только профессионального сообщества. В свое время М. Фуко показал, что отношения между знанием и властью может быть выражено

формулой: «Власть устанавливает знание, которое, в свою очередь, выступает гарантом власти». Причем власть выступает в качестве определяющего участника этих отношений.

Более того, сама она — «это не учреждение и не структура, это не сила, которой мы наделены, это то, как мы определяем комплексную стратегическую ситуацию в определенном обществе» [Foucault 1976: 72]. Комплексная стратегическая ситуация не имеет константы — она постоянно трансформируется, что определяет необходимость постоянного саморазвития социогуманитарного знания и его потребность в осмыслении своих ключевых принципов, методологических и методических оснований. Подобное положение побуждает взглянуть на содержание вызовов, с которыми сталкиваются представители политологии, МО и регионоведения. На наш взгляд, они имеют несколько источников — онтологических, методологических, методических и ценностных.

Онтологические вызовы обусловлены многократным уплотнением системы социальных связей и взаимодействий в сверхсложном современном обществе. Онтологический вызов неизбежно влечет за собой последствия методологического характера: в условиях усложнения объекта разнообразие исследовательских стратегий становится безальтернативным. В свою очередь, это определенно ставит *методическую* проблему, поскольку *методологические* новации непременно сопряжены с обновлением инструментария в целях обеспечения надежности используемых средств измерения адекватностью эмпирических индикаторов.

Несомненно, значимым вызовом остается *неустраняемая субъективность* социального знания. Спектр инструментов может быть самым разнообразным, но весь методический арсенал обретает смысл только в руках исследователя, который выступает не просто центральным звеном познавательного процесса, но его творцом. Проблема заключается в том, что сам ученый состоит из предрасположенностей и установок — теоретических, методических,

политических, этических, психологических и иных, которые могут *a priori* исключить несоответствующие этим предрасположенностям объяснения.

Учитывая, что социальное знание носит интерпретативный характер, эти предрасположенности, как правило, отражаются на выводах. Причем последнее верно не только применительно к проектам качественных исследований: в количественном анализе установки ученого могут повлиять на выбор исследовательского вопроса и инструментов анализа не меньше.

Упомянутые предрасположенности приобретают различный характер. Они могут касаться, например, склонности исследователей выбирать для анализа наиболее известные им примеры; в других случаях предрасположенность определяется доступностью инструментов анализа. Еще более серьезной проблемой представляется склонность скорее подгонять теорию под казусы, чем наоборот. Правда, Г.В.Ф. Гегель писал, что, если факты не согласуются с теорией, тем хуже для фактов. Однако это справедливо только в случае надежной теории, что не является общим правилом.

Порой проблемой становится получение ценностно нейтральных интерпретаций: воздействие политизации, о котором писал в свое время Д.И. Аптер, не вполне устранено и сегодня. Один и тот же эмпирический материал может быть истолкован противоположным образом, а политическая конфликтность может отражаться на методологическом уровне.

Сознание любого исследователя, будучи сформированным в пределах некоторых моделей социализации, действует в рамках доминирующих дискурсов и разделяемой иерархии ценностей. Оно не свободно от стереотипов и предвзятостей, которые налагают ограничения на качество получаемых результатов. Проблема ангажированности шире проблемы ценностных и политических симпатий. Технологии исследования предполагают распространение знаний и опыта об изученных явлениях на область новых процессов, и даже в случае ценностно нейтральных ориентаций исследователя его

стереотипы порой предстают удобными инструментами интерпретации ранее неизвестных явлений.

Все вместе взятое превращает МО, политические науки и регионоведение в одну из наиболее сложных и одновременно — в одну из наиболее творческих сфер познавательной деятельности и позволяет провести аналогию с путешествием не только с открытой датой, но и с принципиально непредсказуемым исходом, что обусловлено его принципиальной мультивариативностью.

Если же обратиться к *методическим* измерениям развития политических дисциплин, МО и регионоведения, то среди наиболее значимых выделяются такие сюжеты, как соотношение науки и преподавания; соотношение мейнстрима мировой науки с повесткой дня и особенностями национальных традиций гносеологии; соотношение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности используемых исследовательских стратегий и методов; релевантность применяемой системы оценки эффективности научной деятельности.

Что касается *соотношения мейнстрима и национальной традиции*, то, очевидно, нет альтернативы развитию новых перспективных методологий, способных стать основаниями анализа сложных объектов, имеющих отчетливую страновую специфику. При этом важно не впасть в ересь создания новой версии «большевистской физики» и «пролетарской ботаники».

Другой актуальной задачей оказывается *необходимость овладения возможно более широким арсеналом инструментов исследования*. Проблемой отечественной политологии и МО остается слабое знание строгих методов и ограниченность навыков работы с эмпирическими данными. Актуальный аспект данной тематики — дискуссия об оптимальном соотношении количественных и качественных методов. С одной стороны, без алгебры гармонию не проверишь, с другой — еще в 1994 г. известный французский исследователь М. Доган фиксировал свойственную западной науке сверхквантификацию. Существующую

проблему можно сформулировать так: совершенствование количественных методов остается важным компонентом эффективности современного социо-гуманитарного знания, однако необходимо помнить, что в подобных исследованиях объекты выглядят как пакеты переменных.

Еще одним проблемным измерением нынешнего этапа развития оказывается вопрос о релевантности применяемых подходов к оценке эффективности научной деятельности, в том числе посредством использования наукометрических показателей. Фигурирующий в настоящее время показатель «число патентов на изобретение» в качестве критерия оценки эффективности исследовательской деятельности в социально-гуманитарных науках может вызвать разве что грустную улыбку.

Не будем лукавить: методика — прозаическая материя, однако насущно востребованная, ибо проще научиться, чем научить. Конечно, справедлива Гераклитовская максима о том, что *многознание не научает уму*. Однако знание может удержать от того, что хуже преступления — от ошибки, которая в области международных отношений может стоить многих жизней, так как ее ценой может стать военный конфликт. Без качественной методики отношения науки и образования рискуют остаться игрой с нулевой суммой.

Даже о такой точной науке, как история, в профессиональной среде родилась шутка о том, что она предстает порой подобием «битвы экстрасенсов», и ничто не меняется так быстро, как прошлое, а потому история — столь ответственное дело, что ее нельзя доверять историкам. В связи же с вероятностной природой международно-политической науки качественная экспертиза учебного материала, на котором зиждется образовательный процесс, востребована в еще большей степени. К сожалению, порой методическое поле этой специальности в еще большей степени, чем история, наводнено продукцией «экстрасенсов от конспирологии» — низкокачественными сочинениями, а иногда и вовсе откровенными спекуляциями.

З

Базовый смысл реализуемой в настоящее время Министерством образования и науки России реформы методического измерения образовательного процесса состоит в существенном расширении возможностей сотрудничества государства и гражданского общества в лице профессиональных сообществ в процессе принятия ключевых решений в области образования. Этому призвано служить создание девяти Координационных советов (в соответствии с выделенными областями знания), в том числе по «общественным наукам», и общероссийских площадок в лице 57 учебно-методических объединений (УМО), призванных существенно расширить объем своего участия в методическом обеспечении образовательного процесса.

Миссия созданной Министерством системы — в формировании предпосылок для реализации государством атрибутивной функции стратегического целеполагания в сфере образования. Прежде методическое обеспечение образования складывалось стохастически: учебно-методические объединения существовали на базе вузов, и эволюция (именно эволюция, а не системное развитие) происходила преимущественно без стратегии. Не случайно существовало бесчисленное количество учебников по политологии и истории, причем зеркально противоречащих друг другу по ключевым сюжетам.

Позитивные исключения, несомненно, были, и к их числу, безусловно, относится опыт работы УМО по международным отношениям, зарубежному регионоведению и связям с общественностью на базе МГИМО. Для того чтобы отдельные прецеденты сложились в эффективную систему общенационального масштаба, а вузы, издательства и библиотеки имели содержательные ориентиры, соответствующие ключевым принципам государственной политики в сфере образования, потребовалось создание комплекса *Федеральных УМО*, которая вносит концептуальность и системность в процесс методического обеспечения образования благодаря целеполагающей роли государства.

Насколько оправданно объединение МО, политических наук и регионоведения в рамках одного учебно-методического направления? Дифференциация в рамках системы ФУМО не идеальна, и вряд ли может быть таковой, поскольку сам принцип разделения областей знания и выделения в их рамках групп специальностей не может быть бесспорным. Этому препятствует частичное пересечение предметных полей, методологий и методов различных наук, а также междисциплинарность многих направлений.

Однако небезупречная система лучше отсутствия системности. Объединение трех крупных направлений в единое федеральное учебно-методическое объединение соответствует применяемому в рамках всей системы образования принципу кластеризации близких, но не совпадающих направлений. В ее рамках, например, сформированы ФУМО «Физика и астрономия», «Социология и социальная работа», «СМИ и библиотечное дело», «Философия, этика и религиоведение», «Сценические искусства и литературное творчество». Принципиально важно отметить, что нахождение в одной учебно-методической группе отнюдь не означает сведение регионоведения к политологии.

Утвержденный формат оправдан, поскольку адекватно представляет объемное и сложносоставное предметное поле политических наук, МО и регионоведения (востоковедение и африканистика – по существу часть зарубежного регионоведения, хотя весьма обширная и специфическая по объекту, предмету, методологии и используемым методам). Он позволяет, несмотря на технологические и организационные сложности, реализовать плодотворное сотрудничество представителей перечисленных специальностей.

А.В. Лукин справедливо отмечает, что важнейшая черта российского подхода к социо-гуманитарным исследованиям – синтетическое отношение к знанию, понимание условности разделения специалистов по школам, языкам, государствам и дисциплинам. Такое отношение сегодня в значительной степени утеряно на Западе, в особенности в США и Великобритании,

где сложился партикуляристский подход к знанию, сегодня представляющийся неоптимальным [Лукин, Лукин 2015: 214].

Предметное поле политических наук многосоставно и полиаспектно. В связи с их мозаичностью Г. Алмонд метафорически сравнил политологию с множеством столиков в кафе, имея в виду сосуществование в политической науке различных исследовательских стратегий [Алмонд 1997]. Применительно к отечественному профессиональному сообществу проблема состоит в формате сопряжения предметных полей, чтобы внутренний дизайн достигнутого многообразия стал не *вавилонской башней*, но *цветущей сложностью*, соответствующей многослойности своего объекта – бесконечно сложного мира относительных истин.

* * *

Сегодня на развитие рынка образовательных услуг существенное влияние оказывают внешние обстоятельства. Среди них первое место занимает сокращение числа студентов по причине демографического кризиса и обострение межвузовской конкуренции. Вместе с тем сохраняются и внутренние проблемы. В первую очередь, слабая связь обучения с практикой, и соответственно неразвитые инструментальные навыки обучающихся. В связи с этим в числе существенно значимых задач профессионального сообщества видится разработка стандартов подготовки специалистов.

В рамках этой работы представляется целесообразным исходить из следующих задач:

- необходимо увязать профессиональную подготовку, прежде всего магистров, с сегментами рынка, которые успешно развиваются и в ситуации кризиса; адаптировать образовательные профили к конкретным интересам работодателей;

- инкорпорировать прикладные измерения и практически ориентированную деятельность в систему профессиональной подготовки;

- вывести на новый качественный уровень работу по координации действий академического и профессионального сооб-

шеств. Новый формат работы с ними позволит повысить привлекательность международно-политической тематики в восприятии абитуриентов.

Для решения поставленных задач принципиально важным представляется продолжение работы созданного федерального учебно-методического объединения с вузами, в первую очередь, с региональной их сетью. Целесообразным видится сохранение опыта проведения методических конференций для университетского сообщества. В рамках профессионального сообще-

ства необходимо внедрять и новые формы сотрудничества.

Среди них могла бы оказаться инициация совместных коллективных научно-образовательных проектов, в том числе, имея в виду более широкое вовлечение бакалавров и магистрантов в проектную работу. Весьма перспективным представляется использование электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовательном процессе. Это позволяет расширять аудитории и обретать новые возможности финансирования.

Список литературы

- Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Полис. Политические исследования. 1997. №6. С. 175–183.
- Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. Том 10, № 1(28). Январь–апрель 2012.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 384 с.
- Гаман–Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60–летию САПН / РАПН. // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 2004. 116 с.
- Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М.: Весь Мир, 2015. 384 с.
- Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы. Учебное пособие. М.: МГИМО–Университет, 2009. 204 с.
- Российская политическая наука: Истоки и перспективы. В 5 томах / отв. ред. О.В. Гаман–Голутвина. М.: Аспект Пресс, 2015–2016.
- Смирнов В.А. Политическая элита в контексте глобальных социальных изменений // Политический класс в современном обществе / отв. ред. О.В. Гаман–Голутвина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Тaleb Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука–Аттикус, 2014. 768 с.
- Уолфорт У. «Российско–западным отношениям недостает реалистского мировосприятия, причем с обеих сторон...» // Международные процессы. 2015. №4. С. 153–165. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.11
- Foucault M. Histoire de la sexualité, 1: la volonté de savoir. Paris: Éditions Gallimard, 1976. 168 p.
- Giddens A. Modernity and Self–Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.

POLITICAL SCIENCE AS A METADISCIPLINARY MATRIX

OKSANA GAMAN–GOLUTVINA

MGI MO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

Political Science, International Relations and Area Studies emerged in the Russian University system as independent and rapidly developing educational and research disciplines. However, recognition of their importance beyond the professional community remains far from universal.

Therefore, Russian Universities are struggling to create training programmes, aimed to prepare specialists capable of dealing with various urgent issues of domestic politics and foreign policy. This task presumes careful study of rising challenges in the global system as well as advantages and shortcomings of the existing educational model in Russia. The current article seeks to identify major conditions, determining future prospects of teaching in international politics. The author claims that in recent decades three major transformations appear as crucial. First, the rise of New Modernity reflected the growing nonlinearity in societies. Second, political orders experience a continuous reshuffling after the collapse of the Soviet Union. Third, major centers of economic production are transferring to Asia. Russian tradition of Political thought opens wide opportunities for understanding these shifts. However, the professional community has to adapt to the new conditions and, first and foremost, cope with the existing gap between University studies and practice. This requires providing students with methodological and other tools to conduct professional expertise of complex strategic interactions. The current reform of methodological organization of the educational process enables to solve this problem systematically through a specialized institution – federal University associations for educational methodology. In accordance with the reform, the renewed FUAEM incorporates separate, but interrelated disciplines – Political Science, International Relations and Area Studies. Bringing them together within a single institution does not presume their unification, but rather mobilization of intellectual and organizational resources.

Keywords: education in Political Science, Area studies, Universities, tradition of political thought, qualitative and quantitative methods, nonlinearity, educational reform, University associations for educational methodology.

References

- Almond G.A. (1997). *Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny* [Political Science: History of the Discipline]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 175–183.
- Batalov E. (2012) *Sovremennye globalnye trendy i novoe soznanie* [Contemporary Megatrends and a New Conscienteness]. *Mezhdunarodnye Protessy*. Vol. 10. No. 1 (28). January – April.
- Beck U. (2000). *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress–Traditsiya. 384 p.
- Foucault M. (1976). *Histoire de la sexualité, 1: la volonté de savoir*. Paris: Éditions Gallimard. 168 p.
- Gaman–Golutvina O.V. (2016). *Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoj politiki. K 60–letiyu SAPN / RAPN* [Political Science Facing Challenges of Current Politics. To the 60s Anniversary of SAPN / RAPN]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1 P. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02
- Gaman–Golutvina O. (ed.) (2015–2016). *Rossiyskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy* [Russian Political Science: Roots and Prospects]. Moscow: Aspekt Press.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self–Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Giddens A. (2004). *Uskol'zayushchij mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow: Ves' mir. 116 p.
- Lukin A.V., Lukin P.V. (2015). *Umom Rossiyu ponimat'* [To Understand Russia Consciously]. Moscow: Ves' mir. 384 p.
- Polunin Ya.A., Timofeev I.N. (2009). *Nelineynye politicheskie protsessy* [Nonlinear Political Processes]. Moscow: MGIMO University. 204 p.
- Smirnov V.A. (2012). *Politicheskaya elita v kontekste global'nykh sotsial'nykh izmenenij*. In *Politicheskij klass v sovremennom obschestve*. Ed. by O.V. Gaman–Golutvina. Moscow: ROSSPEN.
- Taleb N.N. (2014). *Antikhrupkost'. Kak izvlech vygody iz khaosa* [Antifragile: Things That Gain From Disorder]. Moscow: KoLibri, Azbuka–Attikus. 768 p.
- Wohlforth W. (2015). "Rossijsko–zapadnum otnosheniyam nedostaet realistskogo mirovospriyatiya, prichem s obeikh storon..." [Russian–Western Relations Suffer from the Lack of Realist Vision from Both Sides...]. *Mezhdunarodnye Protessy*. No. 4. P. 153–165. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.11